

18+

ИГОРЬ ТУМАНОВ

СПЕКТАКЛЬ

Игорь Туманов

Спектакль

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Туманов И.

Спектакль / И. Туманов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

После самоубийства мужа Аделаида замыкается в себе и перестает разговаривать. Чтобы как-то помочь родственнице, кузина Кира отправляет её в пансион, где обещают восстановить душевное состояние девушки. Там Аделаида познакомится с другими жителями и поймёт, что не только она должна нести своё бремя.

Содержание

1. Пансион	5
2. Письмо	7
3. Ужин	9
4. Жители	13
5. Кевин	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

1. Пансион

Они съехали с Восточного шоссе почти через десять минут после того, как покинули Верхний Город. Повернув направо, автомобиль оказался на узком тракте, ведущим в лес. Сквозь кроны деревьев пробивались тонкие лучи солнца, которые привлекали внимание Аделаиды, и она отвлеклась от дороги. Покрытие было неровным, и машина то и дело чуть-чуть подсакивала на какой-нибудь небольшой ямке.

Чуть погода тракт завернул влево, и им открылся потрясающий вид на широкую тёмно-синюю реку. Правый берег, по которому они сейчас ехали, был несколько выше левого, из-за чего на той стороне можно было разглядеть бескрайнее зеленое море чистой нетронутой природы. Вообще рельеф вдоль реки постоянно менялся. Ближе к Городу правый берег становился все ниже. Проехав населенный пункт, дорога переходила в Западное шоссе, которое оказывалось и вовсе на одном уровне с водой, в то время как левый берег дальше по течению становился сильно выше. Местами оказывалось, что высота деревьев на правом берегу равна высоте левого.

Проехав мимо небольших домов и коттеджей, через несколько десятков метров у дороги появился огромный чугунный забор, с белым мраморным основанием. Через каждые пять чугунных пик стояла одна колонна, с изображением огня наверху. Через десять таких колонн автомобиль, наконец, остановился – прямо напротив высоченных ворот, выполненных в том же стиле. На них висела позолоченная табличка с надписью “Пансион «Зелёная роща»”.

Аделаида тяжело вздохнула и поправила свое белое в красную крапинку платье.

– Ада. Другого выхода нет. Я не могу за тобой приглядывать постоянно. А после всего, что случилось... Тебе нужно время, чтобы отдохнуть. Тебе нужно место, чтобы отдохнуть. Здесь о тебе позаботятся. Это один из самых лучших пансионатов во всей стране. Ну или уж точно один из самых дорогих. Ты же понимаешь, да? – обратилась к ней её кузина Кира.

“Конечно, я все понимаю, дорогая сестрица. Тебе надо от меня отдохнуть. У меня же стресс, я не могу себя контролировать. Да? Это же тебе сказал психолог?” – подумала Аделаида.

Она кивнула кузине в ответ.

Девушки вышли из машины и подошли к воротам. В руках Аделаида держала зеленую сумку с личными вещами и небольшим количеством дополнительной одежды. Ближайшие пару месяцев должно быть ещё очень тепло, поэтому она взяла в основном легкие наряды.

С реки подул теплый ветерок. Русые волосы Ады, собранные в хвост, слегка затрепыхались вместе с платьем. У входа стоял охранник в синей форме. На его голове отсутствовали всякие волосы, кроме бровей, а лысина немного загорела, видимо от постоянного нахождения на солнце. Заметив гостей, он поднял правую руку, на запястье которой находился широкий черный браслет, левым указательным пальцем провел по нему, а затем что-то сказал, глядя на руку. Удобная штука – этот браслет. Хотя всего лет пятнадцать назад они считались невероятным техническим прорывом. Раньше люди таскали с собой огромные телефоны и смартфоны, сейчас же цепляли на запястье легкие браслеты, различных форм и размеров. С большими и маленькими экранами, цветные и нет, квадратные и прямоугольные. Большинство моделей и вовсе могли проецировать на руку полноценный рабочий стол, а звук поступал непосредственно в голову пользователя. У Ады, естественно, тоже имелось такое устройство, ярко красного цвета, с узким экраном, но пользоваться ими жителям пансионата запрещено, поэтому она оставила его в своей сумке.

Охранник дождался какого-то ответа и зашагал на встречу Аде и Кире. Легким движением он открыл тяжелые ворота ровно настолько, чтобы девушки смогли протиснуться внутрь и жестом указал им направление вперед.

Перед ними открылся вид на белоснежный огромный особняк, прямо на краю берега. Трехэтажный дом, с крупными окнами. На черепичной крыше пара мансардных окон, наверное, со стороны реки они тоже имелись. К особняку пристроилась широкая терраса, обвитая каким-то вьющимся растением, создающим естественную тень. Тропа, ведущая к особняку, выполнена из камня, и местами разветвлялась на несколько других дорожек, петляющих в саду вокруг дома. Здесь были как лужайки, так и небольшие рощи со скамеечками, столиками и беседками.

Они шли по дорожке к дому, любопытно оглядываясь. Навстречу им вышла темноволосая женщина, несколько старше их, в брючном белом костюме и встретила их на середине пути.

– Вы должно быть Кира и Аделаида? – спросила она, пожав обеим девушкам руки.

– Да, это мы. Собственными персонами. – Ответила Кира, слегка засмеявшись. Аделаида почтительно кивнула, но сразу закатила глаза, отвернувшись в сторону.

– Что ж, приятно познакомиться, дамы. Я – Бриттани Клэтуотер, хозяйка, владелица или просто директор этого пансиона. Ну, Кира, мы с вами уже общались по телефону, и я вам, в меру моих сил, рассказала об этом месте. Хотите проведу экскурсию? – уточнила Бриттани.

– О, нет, спасибо. Вы описали мне все в красках. И теперь, приехав сюда, вижу, что вы ни капли не соврали. Уверена, моей кухне очень у вас понравится. Ей действительно нужно отдохнуть, – последнюю фразу она сказала несколько тише, прикрыв рот ладонью, но услышать её все равно не составляло труда.

– Не беспокойтесь. Наш пансион специализируется на таких ситуациях, как у Аделаиды. Даже случаи посерьезнее есть. Мы о ней позаботимся, – наимилейшим голосом произнесла Клэтуотер.

– Отлично. Значит, я оставляю вам мою дорогую сестрицу на полное попечительство. Иди сюда, моя любимая, – Кира прильнула к кухне и очень искренне крепко её обняла. – Я обязательно тебя навещу.

“Тебе лишь бы побыстрее отсюда убраться, стерва,” – улыбаясь подумала Ада.

– Ну, увидимся через пару месяцев.

– До свидания, Кира, – попрощалась Бриттани.

Кухина пошла обратно по тропинке, едва не вприпрыжку. Аделаида наблюдала за ней, держа в двух руках свою сумку и сощуривая глаза. Кира по пути несколько раз оборачивалась и махала ладошкой. Последний раз она попрощалась после того, как ворота за ней захлопнулись, и она села в машину.

Аделаида повернулась к директору пансиона с вопросительным взглядом – что дальше? Та на языке жестов поинтересовалась у девушки не глухая ли она. Ада отрицательно замотала головой.

– Хорошо, Аделаида. Простите, если с моей стороны это было бестактно. Давайте я провожу вас в вашу комнату. Там вы сможете ознакомиться с нашим распорядком дня и занятиями. Через полтора часа будет ужин, на котором вы сможете познакомиться с остальными членами нашей скромной общины. А пока – свободное время. Обустраивайтесь. Впереди у вас несколько месяцев спокойствия.

Аделаида тяжело вздохнула и, поправив платье, последовала за Бриттани Клэтуотер.

2. Письмо

Её комната оказалась на втором этаже особняка. Совершенно небольшое помещение, но очень уютное. Аделаида нехотя отметила этот факт, когда впервые все увидела. Прямо напротив входа большое окно с тюлем и занавесками нежно-фиолетового цвета. Справа узкая мягкая кровать, накрытая шерстяным пледом с психоделическим узором из цветов. Рядом с кроватью письменный стол с лампой и парочкой ящичков. На противоположной стене две книжные полки с интересным выбором литературы. Здесь был и “Улисс”, рядом с которым стоял том “Братьев Карамазовых” и “1984” Оруэлла. Один этот набор мог легко принести в голову, и без того больных людей, дополнительные суицидальные наклонности. Забавным на полке Аделаиде показалось соседство Библии и “Краткой историей времени” Стивена Хокинга. Обычно Священная книга лежала в подобных учреждениях на столе или в ящичке стола, в любом случае, ближе к кровати, но тут почему-то на полке.

В её апартаментах нашлось место и небольшому шкафчику в самом углу комнаты, прямо у входа. Внутри было довольно просторно. Аделаида повесила на вешалку несколько своих повседневных платьев и одно вечернее в чехле, а остальные вещи разложила по полочкам.

Удобства для утоления естественных потребностей, к сожалению, были общими и находились в конце небольшого коридора. Но поскольку постояльцев сейчас не особо много, уборная практически всегда оставалась свободной.

Ада сидела на краешке кровати и кончиками пальцев перебирала низ своего платья. На стол она выложила несколько своих книг и блокнот. Сверху лежал исписанный листок бумаги. Листок этот Аделаида прочитала уже не раз, а психолог настоятельно рекомендовал его сжечь.

“Вы должны отпустить прошлое, Аделаида. Так вам станет легче, Аделаида. Вы сможете двигаться вперед, Аделаида”. – Передразнивала она терапевта у себя в голове. – “Чертов придурок, сам то сталкивался с такими? Все, что у меня осталось от мужа – этот гребанный кусок бумаги, который он оставил мне перед тем, как решил пролететь 70 метров вертикально вниз!”

Она начала немного покачиваться вперед-назад, чувствуя, как нарастает напряжение. Голова слегка заболела и закружилась. Аделаида закрыла глаза и сделала серию глубоких вдохов и выдохов. Прекратила качаться.

Ада посмотрела на листок и медленно взяла его в руку, чтобы перечитать в бог знает какой раз.

Дорогая Эстер!

Я сжег свои книги, записи и документы. Всё, что меня когда-либо связывало с этим миром. Считаю это моим свидетельством о смерти. Я знаю, что доставил тебе много проблем. Ты верила в меня до самого конца, но оказалось, что писатель из меня никудышный. Мне стыдно перед тобой. Стыдно, что ты дала мне шанс, которым я так ужасно воспользовался.

Кем я был? Кто вспомнит обо мне, кроме тебя? И кто ты? Кто вспомнит о тебе? Я не смог оставить после себя ничего, так какой во всем этом смысл?

Я понимаю, что делаю с тобой своим поступком. Понимаю, как тебе будет тяжело. И я прошу прощения за это. Мне страшно, но другого выхода просто не вижу. Его и нет.

Мы приходим в этот мир одни, и также и уйдем из него. Я не хочу, чтобы кто-то или что-то решало, когда мне уйти. Поэтому я сделаю это сейчас. Отправляюсь в бесконечное путешествие, наперегонки с ветром, на ту сторону, где легче будет нам обоим.

Я люблю тебя, Ада. Ещё увидимся.

Её руки затряслись, она выронила листок на пол и снова начала покачиваться, все сильнее и сильнее. Голову пронзила резкая боль. Ада вцепилась руками в виски. Ей хотелось заорать во всё горло, но ни единого звука не сорвалось с её губ. От бессилия она упала на пол, свернувшись, прижав колени к груди. Из глаз хлынули слезы, но она не могла даже всхлипнуть. Воздуха в легких не хватало, любой вдох давался тяжело. Она слышала у себя в голове голос мужа. Закрывая глаза видела, как он сидит в гостиной, пока она спит, и как пишет под лампой это письмо, проговаривая каждое слово и тщательно его обдумывая, и, наверняка, слушая через браслет своего любимого музыканта с дурацкой фамилией. Как его там звали? Остерхаген?

*...Дорогая Эстер...
...Я съезж свои книги, записи...
...Кем я был? Кто вспомнит обо мне?...
...решало, когда мне уйти...
...где легче будет нам обоим...
...Я люблю тебя...
...Ада...
...Ещё увидимся...*

Она раскрыла рот в беззвучном крике так, что свело скулы. Обхватила ноги руками, прижав к себе ещё крепче, и продолжала качаться вперед-назад.

“Бросили! Все! Сестре плевать! Избавилась от меня! Брату тоже плевать! У него есть семья! А у меня?! Где моя семья?! Она спрыгнула с крыши дома, решив, что так будет легче нам обоим! ЛЕГЧЕ ДЛЯ МЕНЯ, ДА, ЭРИК?! Что ты наделал?! Что ты, мать твою, наделал?!”

Ада вновь схватилась за голову. В ушах звенело, и никак не получалось утихомирить эту боль.

– Мисс Эстер! Что случилось?! – сквозь шум, услышала она где-то далеко-далеко.

Кто-то подошел к ней, наклонился и положил нежные руки на её правое плечо. Затем она почувствовала сильное давление где-то на правом плече, как что-то круглое впивается в её кожу через ткань, будто множество крошечных иголок. Внезапно стало немного легче. Ада остановилась. Она очень медленно сначала развернулась на спину, а потом облокотилась на край кровати. Перед ней на коленях стояла женщина с лунным цветом волос и в круглых очках. Лицо покрыто морщинами, но излучало доброту и спокойствие. Женщина слегка улыбнулась, когда поняла, что Аде стало легче. Изнеможенность растеклась по телу, в чем-то, это было даже приятно. С трудом она жестом поблагодарила женщину.

– Вам лучше, мисс Эстер? – спросила она.

Мисс Эстер утвердительно кивнула, и попросила называть её Аделаида. Женщина, одетая в синюю униформу, согласилась и помогла Аде сесть на кровать.

– Через полчаса ужин. Отдохните пока в кровати, я за вами обязательно зайду. – Женщина погладила её по руке, подняла с пола исписанный листок и положила на стол, накрыв книгами.

Ада была уверена, что она ничего не прочитала на том листе. Но ей, по всей видимости, и не нужно было.

3. Ужин

Столовая располагалась на первом этаже особняка, ближе к берегу. Часть стены отведена под стеклянную раздвигающуюся дверь, которая выводила на ещё одну маленькую террасу с потрясающим видом на реку.

Само помещение похоже имело площадь всей квартиры Аделаиды в Городе. Во всяком случае, ей так показалось. Прямо по центру стоял огромный изысканный стол, с закругленными краями, рассчитанный на десять персон. Сверху его покрывала белоснежная скатерть, на которой уже выставлены тарелки, приборы, большие блюда с салатами и закусками, кувшины с водой и, по всей видимости, соком.

Ада сразу оценила выбор еды, хотя горячее ещё даже не принесли. “Если тут такие закуски, что же дают в основном меню?” – подумала она, оценивая пищу на столе. Она медленно подошла к столу, коснувшись рукой скатерти – мягкая и приятная на ощупь. Аккуратно переступая с ноги на ногу, Ада шла вокруг стола, рассматривая окружение. В дальнем углу стоял небольшой круглый столик, на котором лежал сильно устаревший телефон, рядом – на вид удобное кресло. Серванты с сервизом расположились у двух стен из четырех. Выглядели они старыми и пыльными, явно не из этого века, да и посуда внутри, хоть и оказалась в отличном состоянии с витиевато исписанными разнообразными узорами, на скромный взгляд Аделаиды являлась совершенно безвкусной и вышедшей из моды лет сто назад. В углу комнаты у телефона едва приоткрытая дверь, судя по запаху, ведущая на кухню. Пустых стен практически не было, в некоторых местах висели картины, разной степени паршивости. Ада никогда не считала себе ценителем такого искусства. Ужин был накрыт на семь человек, один из которых во главе стола и по три человека с каждой стороны. На тарелочках лежали бумажки с именами. Своё Ада нашла с правой стороны, самым крайним. Обычный и непримечательный шрифт, без всяких узоров и крючков, ничего интересного, подумала она, держа бумажку в руках.

Она прошла мимо стола и подошла к стеклянной двери. На улице почти стемнело. В столовой и на террасе горел приятный теплый свет, совершенно не яркий. С той стороны двери стояла высокая худощавая девушка с длинными волосами, одетая в платье похожего покроя, как у Аделаиды, но без крапинок и узоров, цвета крем-брюле. Ада взялась за ручку и отодвинула створку двери вправо. Девушка на улице от неожиданности слегка подпрыгнула и обернулась на вошедшую гостью, схватившись за сердце. У неё были маленькие испуганные глаза, с тонкой линией бровей. Казалось, она едва сдержала крик.

– Ой! Вы напугали меня! – пропищала она тоненьким голоском.

Аделаида жестом поздоровалась и извинилась. Девушка сразу успокоилась и смущенно закивала. Так обычно бывает, когда до людей доходит, что человек перед ними не может разговаривать.

– Простите, я не знаю этого языка. Тут его только директор Клэтуотер знает и несколько сиделок. Вы должно быть новенькая, которая сегодня приехала? Как вас зовут? Ой, что я несу. Вы же мне не сможете ответить. Меня зовут Виктория, я тут уже некоторое время. Больше года, мне кажется. Когда я приехала было практически такая же погода, – она сделала короткую паузу. – С реки дует такой приятный ветерок. Я очень люблю выходить сюда перед ужином. Окунуться в свои мысли. Предаться приятным воспоминаниям, которых не очень-то много. Хах, да и если бы их было много, вряд ли бы я была тут, да? Хах!

“Господи, дорогуша, ты все свои мысли озвучиваешь?” – Ада едва заметно саркастически улыбнулась и протянула девушке бумажку со своим именем.

– Аделаида Эстер. Приятно познакомиться, – они пожали друг другу руки. – Тебе здесь понравится. Тут действительно можно отдохнуть от всего, что произошло с тобой за стенами

этого пансиона. Даже несмотря на наш коллектив, – последнее слово она взяла в кавычки и почему-то слегка дернула голову, скорчив странную гримасу.

Ада кивнула. Она уже привыкла кивать в ответ на монологи людей, общавшихся с ней в последнее время. Хотя не отвечает она всего полгода.

“Мда. Ни слова за полгода. Полгода с тех пор, как этот придурок решил попрактиковаться в полётах”.

Она обернулась. В столовой уже собирались люди. Виктория тоже это заметила и предложила отправиться к столу.

Напротив них, у входа на кухню, сидел молодой человек, младше Ады, в очках, с толстыми бровями, длинными непослушными волосами, немного походивший на персонажа старой книжки про волшебника, которую Аделаида читала в детстве. Ей не понравилось.

Парень сидел ссутулившись, исподлобья осматриваясь вокруг. Заметив вошедших девушек, он не поздоровался, лишь продолжал методично оглядываться, как будто выявляя опасность.

– Кевин, – поприветствовала его Виктория. Кевин строго посмотрел на неё, кивнул и вновь отвернулся. Виктория недовольно выдохнула, а потом медленно, стараясь его не напугать, облокотилась руками на спинку стула и добавила: – А эту девушку зовут Аделаида. Она будет с нами жить. Не переживай, она не разговаривает. Ада – это Кевин Доннелли.

Почему-то Кевина это обрадовало. Он слегка расслабился, разомкнул руки, которые до этого держал на груди, и правой помахал Аде, улыбнувшись. Ада натянула улыбку ему в ответ и то же помахала. Кевин успокоился и откинулся на спинку, сделал глубокий вздох, положив руки на колени, и, видимо, окончательно расслабился, насколько мог.

Аделаида села за свое место, Виктория расположилась рядом. Она слегка наклонилась к ней и шепотом пояснила:

– У Кевина небольшая паранойя и обсессивно-компульсивное расстройство. Лишь из-за него вещи на столе разложены таким образом, и еду подают в исключительно одобренном им порядке. Поначалу это казалось странным и неудобным. Приемы пищи у нас, зачастую проходят, скажем так, наоборот. Например, на обед мы сначала едим салаты, потом второе блюдо и лишь потом суп. На ужине же, как ты могла заметить, салаты и закуски сразу на столе, а подают нам сначала и вовсе десерт, а потом гарнир. Питаемся мы тут, к слову, как в хорошем ресторане. Поверь, еда тебе понравится. Она одобрена Кевином, – последнюю фразу она сказала то ли кокетливо, то ли с сарказмом.

В проходе показался ещё один человек. Мужчина был старше Кевина, может даже чуть старше Аделаиды. Высокий, опрятный, с гладко выбритым лицом и черепом. От этого он выглядел слегка пугающе, однако взгляд его хоть и был недружелюбный, казался сильно уставшим. Кожа немного обвисла. Это не было заметно, если не вглядываться, но Ада привыкла внимательно рассматривать черты лиц собеседников. Он быстро прошел от входа и сел рядом с Кевином. Быстро, как показалось Аделаиде, не потому что он такой торопливый, а потому что стоять на ногах ему было тяжело. Он с трудом сдержал громкое приземление на стул, едва слышимо выругавшись.

– Что, ещё одна девка в нашу и без того бабью компанию? – прохрипел он.

“А это что ещё за говнюк?”

– Реджи, это – Аделаида. Да она будет с нами жить. Аделаида, это – Реджи. Он немного придурок, – представила их Виктория.

– Вообще-то, Реджинальд, – поправил он её, затем перекинул взгляд на Аду, оценивая её. Это было неприятно. – А ты что, язык проглотила? Сама за себя говорить не можешь?

– Да, Реджи, она не может, – пояснила Виктория, затем она вновь наклонилась к ней и добавила: – Не переживай на его счет. Он скоро умрет, вот и злитесь на всех подряд. Но иногда он нормальный.

– Оу. Я... Извините. – Реджинальд слегка покраснел и отвел взгляд в сторону. Решив чем-то заняться, он взял со стола одно из полотенец, которые стояли в форме конуса рядом с каждой тарелкой, и положил его себе на колени.

– Говорила же, – вновь шепотом сказала Виктория.

В столовую вошла Бриттани Клэтуотер, а за ней ещё одна девушка. На вид ей было никак не больше двадцати лет, немного похожая на Бриттани. Темные волосы в стиле каре, глубоко посаженные глаза, немного удивленные, слегка вздернутый нос, широкий рот с тонкими губами, и острые скулы. Девушка села рядом с Викторией, а Бриттани расположилась во главе стола.

– Ну, Аделаида, вижу, вы уже со всеми познакомились, – она бросила взгляд на последний пустой стул прямо напротив Ады. – Ладно, почти со всеми. Это моя дочь – Стефани. Она тоже живет с нами в этом доме. Ваши комнаты, кстати рядом. – Бриттани взяла полотенце и положила его себе на колени, поправив чутка сползшие строгие прямоугольные очки в черной оправе. – Пока мы ждем последнего члена нашего коллектива, расскажу кое-что вкратце. Завтра ты начнешь работать над собой. Мы не очень любим слово реабилитация, это именно работа. Но делать её тебя никто не заставляет. Ты в любом случае проведешь здесь свое время, но лишь от тебя зависит: потратишь ты его в пустую, или возьмешь себя в руки и будешь работать. От любого принятого решения к тебе не станут относиться лучше или хуже. У всех тут свои проблемы, и все остальные хотят их решить. А наш пансион им в этом помогает. Так что выбор целиком и полностью за тобой. Но это будет завтра. А сейчас – ужин. Во время приема пищи есть лишь одно правило: никаких проблем. Мы собираемся, чтобы отведать вкусной еды и приятно провести время. Так ведь?

Все закивали. Особенно активно это делал Кевин. В столовую, наконец, вошел последний член коллектива. Точнее даже влетел, перепрыгивая с ноги на ногу, и звонко плюхнулся в свое кресло. Это была ещё одна девушка, с непослушными кудрявыми, цвета бескрайнего космоса, волосами, в одежде близкого цвета. Яркая черная подводка под глазами, тушь на ресницах, нарисованные карандашом брови (свои похоже отсутствовали), кофта с длинными рукавами, которые цеплялись за большой палец, и с глубоким вырезом, не демонстрирующим, впрочем, ничего. Лишь рот не был выделен никаким цветом, но все же он имел любопытную особенность. Правая часть верхней губы оказалась чуть-чуть выше её левой части, в то время как нижняя имела единую форму. Внешний вид девушки отдаленно напоминал бы давно исчезнувшую субкультуру, но если её представители раньше в основном поклонялись смерти, то эта особа, по всей видимости, восхваляла хаос, во всяком случае, такое впечатление складывалось. Асимметричный рот сверкал белыми зубами в яркой улыбке, а черные глаза игриво поглядывали на всех собравшихся. Кевин лишь мельком взглянул на неё, когда она вошла, а потом вновь вернулся в свою закрытую позу.

– Ребекка, ты опять опоздала, – спокойным тоном высказала директор Клэтуотер, кладя руки на стол.

– Да, моя госпожа, я опять провинилась, – ответила Ребекка и рассмеялась. Её голос, высокий и звонкий, бил по самым барабанным перепонкам. Она достала изо рта жвачку и прилепила её к своему полотенцу. Клэтуотер пропустила этот жест.

– Ребекка, это – Аделаида. Наша новая подруга. Аделаида, это – Ребекка. Головная боль и живое проклятие этого места, – саркастически подчеркнула она.

– Здоровки! – сказала Ребекка, бросив безразличный взгляд на Аду, и подняв правую руку, сложив вместе указательный со средним пальцем и безымянный с мизинцем.

– Раз все в сборе, думаю можно начинать. Приятного аппетита, леди и джентльмены.

Бриттани два раза хлопнула в ладоши, и из кухни через секунду вышли два повара в белых передниках с подносами на руках. Они расставили всем тарелки, на которых оказалось мороженое, поданное как будто в дорогом ресторане. Аделаиде принесли фисташковое. Удиви-

тельно, но её любимое. Она бросила удивленный и полный непонимания взгляд на Клэтуотер. Та, видимо, ждала этого, и, удовлетворенная, закивала головой, заливаясь довольной улыбкой. Ада ложкой взяла маленький кусочек замороженной радости и попробовала.

“Твою то ж мать, оно великолепно!”

– Ох, все такое приторное. Да и вы такие ми-ми-милые, аж противно что-то стало, – недовольно фыркнула Ребекка.

Прежде, чем кто-либо успел что-то высказать в ответ, она насадила на ложку большой кусок своего шоколадного мороженого, развернула его от себя, отогнула ложку и запустила прямо в Аду. Шоколадное мороженое отпечаталось на её груди, измазав белое в красную крапинку платье и упав на полотенце на коленях. Она раскрыла рот от изумления, а Ребекка лишь громко засмеялась. Все вокруг молчали, смотря то на Аделаиду, то на Ребекку.

Ада была в таком шоке, что даже не могла собраться с мыслями. Она чувствовала, как напряжение в ней нарастает, и она вот-вот сорвется вновь, как сегодня днем. Но удар пришел откуда никто не ожидал. Кевин внезапно встал, взяв тарелку с четырьмя шариками клубничного мороженого и перевернул её прямо Ребекке на голову, прижав сверху. Клубничные капли медленно стекали с её волос, окрашивая в милый розоватый оттенок. Теперь уже она застыла с открытым ртом, вскинув руки в стороны, а Аделаида беззвучно смеялась. Потом засмеялись и все остальные, а Ребекка непонимающе оглядывалась.

Затем она сняла со своей головы тарелку, стараясь не шевелиться и начала втирать себе в волосы подтаявшее мороженое, придавая тем самым себе новый оттенок. Громче всех заливались смехом Виктория и Стефани. Даже Реджинальд едва сдерживал улыбку. Бриттани прикрывалась ладонями, но тоже потешалась вместе со всеми, а за всем этим гордо наблюдал Кевин.

Мороженое окончательно стало частью волосяного покроя Ребекки. Она вскинула руки, как бы демонстрируя результат:

– Ну что, как вам? Может мне сменить стиль? – и громко засмеялась со всеми.

4. Жители

Следующие несколько недель можно назвать неоднозначными. С одной стороны, приступы у Аделаиды сократились. Жизнь в особняке казалось роскошной. Жителей тут было всего шестеро, персонала – несколько больше. Оказалось, что на языке жестов говорит не только директор, но и её дочь, а также несколько сиделок, которые время от времени проводывали Аду. С ними удавалось хорошо поболтать. Много времени она проводила со Стефани. Её познания языка глухонемых все же оказались не настолько глубокими, как у матери, но общению это не мешало. Ада учила её новым словам и оборотам, от чего они понимали друг друга лучше и лучше.

Стефани на первый взгляд казалась обычной девушкой, но на деле же она не так давно справилась, насколько это возможно, с раздвоением личности. В прошлом это серьезно осложняло ей жизнь, вплоть до побега в другой город, где она провела несколько месяцев, живя на улице. Раскол сознания, по словам Стефани, произошел в 10 лет после нескольких неприятных инцидентов, связанных с её отцом. Что конкретно имеется в виду, она не говорила, но Аде было нетрудно догадаться. Они с матерью прошли тяжелый курс восстановления, который Бриттани же и спланировала, и к шестнадцати годам девушка практически полностью победила вторую личность. Как с ней жилось, Стеф не говорила. Она даже не называла имени, лишь то, что личность была женского пола. Сейчас Стефани в норме и могла разговаривать о прошлом без болезненных воспоминаний, но предаваться им она все же не желала.

Кевин периодически мелькал в коридоре. Он жил на третьем этаже, где была лишь одна комната, зато с личным душем. Туда он пускал только Бриттани. Сиделки оставляли у его двери чистые полотенца и постельное белье. Старое он всегда сам относил в прачечную. Поначалу казалось, что Кевин тоже не разговаривает, но спустя почти неделю Аделаида услышала, как он что-то напевает себе под нос, проходя мимо её комнаты. Стефани, хихикая, отмечала, что он не просто так ходит рядом, якобы раньше Кевин практически не спускался со своего этажа.

Реджинальд хоть и имел при себе манеры, все-таки большую часть времени был козлом. Несколько раз он чуть ли не сшибал Аделаиду в узких проходах, нарочно не уступая место. Но фразами с ней практически не обменивался. Ада решила, это потому, что она ничего не может сказать в ответ, а значит не может начать словесную перепалку. В основном именно этим он и занимался с остальными членами группы. Реджи оказался большим любителем игры на музыкальных инструментах, в том числе на скрипке и пианино. И хоть любителем он был большим, навыков и таланта ему явно не хватало. То, что вырывалось из инструментов даже с натяжкой нельзя было назвать музыкой. Так и проходили некоторые дни. Реджинальд начинал играть на пианино, кого-то из группы это раздражало, чаще всего это была Ребекка или Виктория, но иногда и Стефани подключалась, они начинали спорить и орать друг на друга, пока не придут сиделки и не разнимут их. Потерпевший поражение в споре Реджи драматично брал скрипку и удалялся играть куда-то в сад, откуда все равно прекрасно было слышно его брэнчание.

Чем страдала Виктория наверняка сказать сложно. Она постоянно разговаривала, делилась впечатлениями, рассказывала какие-то истории из своего прошлого, но при этом не говорила в общем-то ничего. Как она сюда попала и из-за чего никто не знал. Даже у Стефани не было никакой информации, хотя её мать прекрасно знала состояние Виктории. Да и её работа над собой проходила странно. Все из группы так или иначе разговаривали с Бриттани о своих проблемах, и делали это в самых разных местах. Иногда в своих комнатах, в гостиной, на террасе, в саду и у фонтана, на берегу реки, куда был ступенчатый спуск и беседка у воды. Все с ней разговаривали открыто, не закрываясь от остальных. Все, кроме Виктории. Их беседы всегда проходили в кабинете Клэтуотер, за закрытой на замок дверью. Ещё иногда Виктория

запиралась в своей комнате на несколько часов. Бывало, что она сидела там весь день, выходя лишь на прием пищи.

Но самым запоминающимся персонажем тут была, безусловно, Ребекка. Да, она та ещё непоседа. Казалось, черноволосая бестия делает все просто так, будто голоса в голове ей велят совершить что-то плохое или хорошее. Её решения всегда носили неожиданный и нелогичный характер. Она провела в пансионе намного больше времени, чем все остальные вместе взятые. Судя по рассказам Стефани, у Ребекки не было ни родственников, ни мужа, ни детей, а содержалась она тут исключительно на деньги Бриттани. Видимо для психолога девушка была загадкой, потому как состояние её не улучшалось, а лишь скакало из крайности в крайность. Не раз под её шалости попадала и Аделаида. После того эпизода с мороженым она ещё как-то смогла сдержаться, но однажды произошла поистине жестокая история.

Ада сидела на террасе вместе со Стефани и Бриттани. Они молча разговаривали о разных жизненных ситуациях, как где-то за домом раздался сначала странный крик, а потом хохот Ребекки. Спустя всего пару секунд, она вылетела из-за угла, за ней гнался один из охранников, но он сильно отставал. Бекка держала в руках какой-то серый сферический предмет, похожий на небольшой мяч. Она неслась прямо на террасу, безумно оглядываясь по сторонам и назад. Аделаида слишком поздно поняла, что было у неё в руках. Слишком поздно, чтобы забежать в дом. Не поняли и Бриттани со Стефани. Промчавшись на бешеной скорости мимо них, она с силой кинула прямо им под ноги осиное гнездо и убежала дальше, спускаясь к реке. Можно сказать, что девушкам отчасти повезло: гнездо практически не было заполнено насекомыми. Из развалившейся дома вылетело несколько ос, а к ним присоединилась ещё парочка, гнавшихся за Ребеккой. Поднялся крик, резкое дерганье, которое ещё больше спровоцировало членистоногих. Аделаиду укусили два раза, в правую руку и левую ногу. Стефани получила порцию яда в плечо, но мать её быстро увела, а потом вернулась за Адой. Места укусов начали моментально жечь, болеть и чесаться. Раны распухли. Так у Аделаиды начался приступ – третий из четырех.

Санитары принесли её, бьющуюся в беззвучной истерике и не в силах успокоиться, в комнату. Она брыкалась и кусалась, истекая слезами. Помимо головной боли сюда добавились ужасающие укусы. Уже через полчаса шишка на ноге была размером почти с кулак, а на руке немногим меньше. Клэтуотер распорядилась принести успокоительное и обезболивающее. После уколов стало легче, и Ада уснула почти на сутки. За это время раны осмотрели и обработали. Когда она проснулась осталось лишь легкое жжение, а шишки стали меньше. Чуть больше недели пришлось похромать. Ребекке за эту выходку не сделали практически ничего. Бриттани устроила прилюдную порку, но судя по выражению лица Бекки на неё это не произвело никакого впечатления.

Второй приступ произошел спустя пару дней после прибытия и первого срыва. Аделаида прогуливалась в саду после обеда. Солнце уже давно перестало яростно палить, стало не так жарко. Небо разливалось приятным лазурным цветом. Глядя долго на него можно было подумать, что паришь над океаном. Ада решила не упускать такую возможность и расположилась на диванчике в саду, рядом с открытой беседкой. Яркие лучи звезды немного слепили, и она надела темные очки. Уже через пару минут по гранитной тропинке застучали туфельки Виктории. Ада поняла, что идет именно она, даже не глядя в ту сторону. За это непродолжительное время молчания она научилась распознавать людей по походке и звуку их шагов. Каждый издает уникальный стук ногами о поверхность. Среди местных у Виктории были ярко выраженные короткие шажочки, с время от времени подскакивающей походкой. Вик уселась рядом в кресло, предусмотрительно сообщив, что будет сидеть молча, читая книгу. Ада восприняла эту новость с восторгом, продолжая наслаждаться спокойствием. В течении получаса Виктория действительно не произнесла ни слова, слышен был только порхающий звук переворачивающихся страниц. Но все-таки Аде надоело лежать, и она решила узнать, что читает

загадочная постоялица пансиона. Оказалось, что она в восторге от книги её мужа, которую и держала в руках. Видимо из-за того, что не так давно похожий приступ уже случался, этот прошел относительно легче. Сначала, как обычно, заболела голова, сердце стучало в висках. Потом заложило нос и невозможно было вдохнуть, как при астме. Ада упала на колени, хватая жалкие глотки воздуха, едва поступающие в легкие. Благо до Виктории быстро дошло, что происходит, она откинула книгу в сторону и позвала на помощь.

Последний – четвертый – приступ случился не так давно, но практически не успел развиться в более тяжелую форму. Случилось это за очередным ужином, в начале которого подавали довольно простенькое филе курицы в итальянских специях. Некогда нечто подобное готовила сама Аделаида для Эрика, он очень любил такое блюдо, особенно поданное с томатным соусом. Этот ход мыслей привел к воспоминаниям о муже, хотя, казалось бы, слишком далекая ассоциация. Ада опять начала задыхаться, но Бриттани моментально сообразила, что происходит. Она быстро подскочила к ней, взяла за руку и вывела на террасу, усадив на мягкий диванчик. Следом на улицу выскочила и взволнованная Стефани. Мать жестом показала ей присоединиться, и вместе они успокоили Аду, благодаря нехитрой практике вдохов и выдохов, держа её при этом за руки. Буквально через пару минут она пришла в себя, но идти на ужин отказалась и осталась на балконе. Чуть позже Кевин вынес ей тарелку греческого салата, и Ада с радостью его отведала. Молодой человек спросил, может ли он посидеть с ней. Аделаида не возражала и символически подвинулась на диване в сторону, а Кевин сел рядом.

Так они просидели вместе несколько минут, потом на террасу начали выходить и остальные постояльцы, присаживаясь на свободные места. Последней вышла Ребекка. Ада заметила её виноватый взгляд, но та тут же отвернулась и прошла дальше к самому парапету. В дверях стояла только Бриттани. Она оглядела всех свои постояльцев и, довольно улыбнувшись, ушла внутрь особняка. Аделаида, Кевин, Виктория, Стефани, Реджинальд и Ребекка ещё долгое время молча сидели на террасе, глядя в заходящее Солнце сегодняшнего дня.

5. Кевин

Прошло полтора месяца с момента её пребывания в особняке. Приступы практически сошли на нет, а те, что случались имели в основном легкий характер. К тому же рядом всегда был кто-нибудь, кто мог её успокоить. Чаще всего этим человеком оказывался Кевин. Первое впечатление о нем стало несколько ошибочным. Да, Доннелли оставался тихим и замкнутым молодым человеком, но довольно словоохотливым в правильной компании. Каким-то образом этой компанией стала Ада. Они проводили вместе довольно много времени. Вероятно потому, что ей он мог рассказывать, что угодно, не боясь быть перебитым в середине монолога, или вообще отправленным куда подальше. Аделаида всегда внимательно его выслушивала, с радостью составляла ему компанию для прогулок в саду. Иногда она сидела рядом, когда Бриттани вела с ним беседу. Директор отметила, что в её присутствии Кевин становился более разговорчивым, а его паранойя отступала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.